

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.3

В. Т. Рязанов

НЕУСТОЙЧИВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ КАК «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»?

1. Введение

Произошедший мировой кризис 2008–2009 гг. характеризовался не только большим масштабом, сопоставимым с Великой депрессией 1929–1933 гг., но и возникшими при выходе из него проблемами. Формально индустриально развитые страны, которые оказались в эпицентре кризиса, перешли в фазу восстановительного роста уже в конце 2009 г. В соответствии с данными статистики зафиксирован выход из кризиса по показателям ВВП и промышленного производства с III квартала 2009 г. в США и с IV кв. данного года в большинстве развитых экономик. Однако последующие события свидетельствовали о том, что в действительности произошел всего лишь восстановительный краткосрочный подъем с ограниченным масштабом и противоречивыми проявлениями в разных сферах хозяйственной деятельности.

С одной стороны, наблюдается восстановление активности в финансовой сфере. Основные фондовые индексы компенсировали потери финансового кризиса 2008–2009 гг. Более того, финансовые рынки вновь демонстрируют возрожденный оптимизм, подогревающий спекулятивные настроения, а на биржевых площадках царит оживление. С другой стороны, по контрасту с финансовой сферой реальная экономика продолжает находиться в стагнации, а чрезмерная безработица остается в числе наиболее злободневных проблем. Затраченные огромные финансовые средства на борьбу с кризисом превратились в непосильные долги даже для развитых экономик.

Виктор Тимофеевич РЯЗАНОВ — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ. В 1972 г. окончил экономический факультет ЛГУ. В 1978 г. защитил кандидатскую, в 1987 — докторскую диссертации. С 1968 г. работает в ЛГУ, с 1972 — на экономическом факультете. В 1989–1994 гг. — декан факультета, с 1995 г. — заведующий кафедрой. Автор более 200 научных работ, в том числе 11 монографий (4 индивидуальных и 7 коллективных: руководитель авторских коллективов, автор, соавтор). Монография «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.» (СПб., 1998) издана при финансовой поддержке РГНФ. Научные интересы: теория экономического развития России, макроэкономические и институциональные проблемы переходной экономики. Избран действительным членом Академии гуманитарных наук и РАЕН. Заслуженный работник высшей школы РФ; e-mail: et@econ.spb.ru

© В. Т. Рязанов, 2013

Это означает, что восстановительные процессы в посткризисный период отличаются несбалансированностью экономического развития лидирующих стран, которая воспроизводит основные недостатки ранее сформировавшейся спекулятивно-финансовой модели экономики. С этим связана неустойчивость экономического роста, которая способна проявляться в длительной стагнации, а на определенном этапе может смениться новым кризисом. Поэтому неудивительно, что сохраняющаяся несбалансированность экономического развития уже превратилась в наиболее острую проблему, которая вызывает все большую озабоченность и тревогу экономистов и политиков по поводу восстановления динамичной модели экономического роста. Ведь устойчивое снижение циклических колебаний, наблюдавшееся с начала 1980-х годов, которое трактовалось в контексте успешной реализации контрциклической макроэкономической политики, осталось в прошлом.

Подтверждением этого являются, в частности, аналитические документы, подготовленные международными экономическими институтами, в которых акцентируется внимание на растущей нестабильности в мировой экономике и высоких рисках. В качестве примера можно сослаться на выбор повестки заседания Всемирного экономического форума в Давосе в феврале 2013 г., которая была обозначена в виде темы «Устойчивый динамизм». На прошедшем в сентябре 2013 г. в Санкт-Петербурге саммите G20 отмечалось, что задача по возврату глобальной экономики к устойчивому и сбалансированному росту не решена, а это определяет первоочередность преодоления нестабильности в экономическом развитии, восстановления реального сектора экономики и занятости. В свою очередь, на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества на острове Бали (Индонезия) в сентябре 2013 г. в качестве приоритета была выдвинута задача обеспечения устойчивого роста на справедливой основе, что предполагает равный доступ ее участников к материальным и технологическим ресурсам.

Собственно, вопрос, который в настоящее время привлекает повышенное внимание экономистов, связан с тем, насколько возникающая неустойчивость экономического роста выступает временной характеристикой непростоого выхода из тяжелого кризиса ведущих стран мира или это уже долгосрочное их состояние, чреватое принципиальными сдвигами в мировом хозяйстве, предполагающими системные изменения в самом устройстве современной модели рыночной экономики. Во всяком случае, теоретическая позиция, в соответствии с которой нынешний неустойчивый рост трактуется как «новая нормальность» в центральной части мирового хозяйства, не является беспочвенной.

Следует отметить, что проблема (не)устойчивости роста при всей ее нынешней актуализации имеет давние и глубокие традиции исследования в экономической науке. По существу, речь идет о циклической природе капиталистической системы хозяйства и возможностях ее воспроизводства. Исторически сложились два принципиально отличающихся подхода в ее трактовке, на основе которых отрабатывались и реализовывались альтернативные версии в проведении контрциклической политики. Согласно первому подходу, делалась ставка на автоматические стабилизаторы, встроенные в само рыночное хозяйство, которые позволяют если не избежать циклических колебаний, то минимизировать их, тем самым восстанавливая экономический рост.

Что касается второго подхода, то его главное отличие связано с отрицанием способности рыночной экономики противодействовать циклическим сбоям и обеспечивать сбалансированный рост на собственной основе и без вмешательства государства. Такая позиция разделяется разными научными школами, преследующими неодинаковые цели — от критического неприятия самой системы капиталистического хозяйства (школа марксизма в ее разных версиях) до выдвижения программ его реформирования в интересах снятия остроты воспроизводственных противоречий и поиска стратегий, нацеленных на поддержание сбалансированного роста. В последнем случае речь, прежде всего, идет о кейнсианской школе в ее широком составе (кейнсианство, некейнсианство, посткейнсианство).

Произошедший мировой кризис, актуализировав проблематику кризисных процессов в экономике, вновь пробудил интерес к кейнсианской рецептуре в поиске эффективной контрциклической политики. Так же, как само зарождение кейнсианства отражало практическую потребность в решении сложной задачи вывода экономики развитых капиталистических стран из глубокого системного кризиса, его нынешнее возрождение диктуется аналогичной потребностью хозяйственной практики. В этой связи показательно замечание авторитетного макроэкономиста Н. Мэнкью: «Как ни печально это признавать, но макроэкономические исследования последних трех десятилетий оказали лишь минимальное влияние на практический анализ монетарной и фискальной политики». Это означает, что «современные макроэкономические исследования недостаточно широко используются в реальном политическом планировании», а потому «в них мало практической пользы» [1, с. 101].

Характерно и то, что среди наиболее часто упоминаемых экономистов в контексте точности оценки возникшей кризисной ситуации в мировой экономике можно выделить одного из самых ярких представителей посткейнсианства Х. Мински. В его концепции нестабильность имманентно присуща современной модели капиталистического рыночного хозяйства, причина которой объясняется с помощью гипотезы финансовой хрупкости с ее особым акцентом на роли финансово-кредитной системы [2]. Она, в свою очередь, раскрывает особенности хозяйственной деятельности, когда высокий уровень растущей задолженности в сочетании с дестабилизирующим влиянием спекулятивного финансирования втягивают рынки и хозяйствующих агентов в порочный круг спекулятивных пузырей, порождая дисбаланс между финансовым и реальным секторами экономики, что с неизбежностью приводит к кризису [3; 4].

Еще раз подчеркнем, что практическая сторона вывода развитых капиталистических стран в фазу устойчивого роста ныне преобладает в научных дискуссиях. Об этом свидетельствует вновь начавшаяся острая полемика между представителями кейнсианской школы и монетаристами и сторонниками экономики предложения по поводу содержания и целевых ориентиров в современной макроэкономической политике [5]. Не меньше споров вызывает вопрос о месте и роли экономических моделей роста, особенно если иметь в виду их использование в практике прогнозирования [6; 7].

Немалый интерес представляет позиция Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ). Они были основными научно-идеологическими центрами, внедрявшими в докризисный период политику финансовой стабилизации в качестве важнейшего условия для поддержания сбалансированного и устой-

чивого роста в глобальной экономике. Особенно большое значение уделялось обоснованию ее применения для достижения успеха в проведении рыночных реформ в постсоциалистических и развивающихся странах.

Мировой кризис и нынешняя посткризисная ситуация привели к тому, что в этих глобальных управляющих центрах происходят серьезные дискуссии, нацеленные на смену вех в стабилизационной политике. В 2010 г. был опубликован доклад главного экономиста МВФ О.Бланшара с соавторами с примечательным названием «Пересмотр макроэкономической политики» [8]. В докладе утверждалось, что «настало время переоценить наши знания о том, какой должна быть макроэкономическая политика». В частности, предлагалось пересмотреть целевые ориентиры для развитых экономик по инфляции с 2 до 4% в год, с тем чтобы повысить гибкость и результативность политики стимулирования роста. Более того, выдвигалась идея о существенной корректировке в выборе целевых ориентиров для ЦБ и правительств, связанной с желательностью дополнения политики сдерживания инфляции таргетированием номинального выпуска (ВВП).

Доклад О.Бланшара вызвал оживленную дискуссию, которая была продолжена на двух крупных научных конференциях (с участием авторитетных экономистов), организованных МВФ: «Макрополитика и экономический рост в связи с кризисом» (март 2011 г.) и «Пересмотр макрополитики II: первые шаги и первые уроки» (апрель 2013 г.) [9]. Одним из ключевых был вопрос о том, насколько финансовая устойчивость способна обеспечить макроэкономическую стабилизацию и как они взаимосвязаны. Было сделано важное утверждение о том, что «стабильная инфляция и стабильный выпуск еще не являются достаточной гарантией поддержания макроэкономической стабильности» [10, р. 6]. Также обосновывались предложения о целесообразности перехода к политике таргетирования номинальной траектории ВВП (Д.Ромер). Выдвигаемые многочисленные рекомендации, направленные на улучшение проводимой политики стабилизации, тем не менее не позволяют уверенно утверждать, что уже разработана современная концепция вывода экономики в фазу устойчивого роста. По-прежнему сохраняются серьезные разногласия в оценках и рекомендациях, а в реальной экономике остается множество проблемных зон. Ситуация, по словам Дж. Стиглица, такова, что все еще требуется «более фундаментальное переосмысление дизайна нашей финансовой системы и существующих рамок при проведении макроэкономической политики» [11].

Россия, так же как и ведущие страны мира, столкнулась с проблемой выхода в фазу динамичного и устойчивого роста после мирового кризиса. Среди российских экономистов отсутствует единая позиция не столько в оценке причин торможения роста, сколько в обосновании того, что необходимо сделать для их устранения и какой должна быть макроэкономическая политика. Причем в отличие от зарубежных отечественные экономисты в меньшей степени ориентированы на теоретические дискуссии, больше внимания уделяют проблеме выбора курса в проведении экономической политики. Соответственно, аргументация выдвигаемых альтернативных позиций основывается, как правило, на обращении к авторитету сложившихся научных школ, прежде всего неоклассической и кейнсианской. То, что в последние десятилетия в экономической науке доминировала неоклассическая школа, обусловило ее определяющее влияние на формирование и реализацию концепции рыночного реформирования с приоритетной установкой на обеспечение финансовой стабили-

зации, поддерживаемой целевым ориентиром на снижение инфляции в макроэкономической политике. При таком подходе предлагаемый вариант модернизации будет осуществляться в рамках теории экономики предложения, которая подчинена созданию благоприятного делового климата, активизирующего рыночные механизмы и стимулирующего бизнес. На данном этапе его главные содержательные характеристики наиболее полно представлены в предложенной программе «Стратегия-2020: новая модель роста — новая социальная политика» [12].

В качестве альтернативы курса на рыночное саморегулирование и финансовую стабилизацию разрабатываются разные версии проведения активной промышленной политики с выдвиганием курса на новую индустриализацию России¹. С некоторой условностью можно считать, что они опираются на кейнсианские взгляды и развивают их применительно к современной ситуации в российской экономике [13; 14]. В настоящей статье данному подходу отдается предпочтение, особенно с учетом приоритетности задачи вывода экономики России в фазу динамичного и устойчивого роста. Ее ключевое значение определяется не только необходимостью выяснения самой природы торможения экономического роста в ведущих экономических державах и в России, но и важностью изучения возможных последствий для организации мирового хозяйства и его структурного взаимодействия.

Для того чтобы более основательно разобраться с данной проблемой, в статье предварительно анализируются отличительные черты произошедшего кризиса, которые во многом повлияли на посткризисное развитие. Далее изучаются основные характеристики и причины неустойчивого экономического роста в ведущих странах мира, а также возможные его последствия. Статья завершается анализом влияния происходящих в мировой экономике процессов на современное состояние российской экономики, которая также оказалась в ситуации торможения экономического роста с реальной опасностью задержаться в фазе стагнации.

2. Особенности экономического развития после кризиса 2008–2009 гг.

Одной из причин возникших трудностей посткризисного развития мировой экономики стала особая природа произошедшего глобального кризиса. Далеко не случайно, что его начальный импульс и наиболее опасные зоны кризисного поражения впервые за относительно длительный период связаны с развитыми капиталистическими экономиками, а также с большинством постсоциалистических стран. Если в предшествующие периоды волны кризиса характеризовались понижающей амплитудой и чаще всего шли с периферии мирового хозяйства, а потому достаточно успешно гасились в его центральной части, обеспечивая тем самым их локализацию, то последний кризис начался в самом центре мирового хозяйства, сразу же приобретая такую масштабность, которую нельзя было предположить и к которой страны не были готовы. Он стремительно распространился по всему глобальному экономическому пространству, приведя к реальному падению общемировых экономических показателей и наступлению рецессии во многих, хотя не во всех, странах мира.

---

¹ В качестве примера можно привести разработки Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования.

Так, по итогам 2009 г., а это пик случившегося экономического кризиса, абсолютное сокращение мирового ВВП составило 0,7% при одновременном уменьшении мировой торговли почти на 12%. Причем в развитых капиталистических странах падение ВВП достигло 3,7% (в 2008 г. рост был всего 0,1%), тогда как в развивающихся странах произошло лишь снижение темпов роста с 6,1 до 2,8%. В целом спад производства наблюдался в 90 странах из 182, по которым имеется экономическая информация в базе МВФ. (Общее количество ныне существующих государств насчитывает 229.) Он затронул 30 из 33 развитых экономик, 18 из 26 постсоциалистических стран, 42 из 101 развивающейся страны. То, что глубокую экономическую рецессию продемонстрировали постсоциалистические государства и развитые капиталистические страны, наглядно указало на эпицентр современного мирового кризиса. Рекордсменами в кризисном спаде ВВП стали: Латвия (-18%), Украина (-15,1%), Литва (-15%), Армения (-14,4%), Эстония (-14,1%), среди развитых капиталистических экономик — Финляндия (-8,5%), Ирландия (-6,5%) и Япония (-5,5%).

Из европейских постсоциалистических стран лишь Албания (+2,8%) и Польша (+1,7%) показали положительный рост ВВП в 2009 г. При этом в ряде из них падение было существенным: Словения (-7,3%), Румыния (-7,1%), Черногория (-7%). Экономический рост из числа постсоветских государств продемонстрировали все среднеазиатские республики, а также Азербайджан (+9,3%) и Беларусь (+0,2%).

Наконец, в группу стран, сохранивших в условиях мирового кризиса высокий экономический динамизм, вошли КНР (+9,2%), Катар (+9%), Ливан (+9%), Узбекистан (+8,1%), Индия (+5,7%), Вьетнам (+5,3%).

Что объединяет развитые капиталистические экономики и постсоциалистические государства с точки зрения оценки масштабности и природы произошедшего кризиса?

Безусловно, в этом случае действовал целый комплекс причин. Ограничимся выделением в нем, на наш взгляд, двух важных совпадающих и одновременно взаимосвязанных причин, подтверждающих системную природу кризиса. Во-первых, этим странам в наибольшей степени было присуще разворачивание тенденции деиндустриализации с выдвиганием на замещающую и, более того, доминирующую роль финансового сектора экономики, что нашло свое выражение на завершающем этапе в трансформации индустриального капитализма в финансово-спекулятивную его модель. Во-вторых, для обозначенных стран была характерна ставка на открытость во внешнеэкономической сфере с преобладанием экспортно-ориентированной модели экономического роста, что в целом раскрывает чрезвычайно плотную их вовлеченность в процесс форсированной глобализации.

Системная природа нынешнего мирового кризиса получила дополнительное подтверждение в неоднозначном характере посткризисного развития ведущих экономик мира (табл.1). Выход из кризиса ведущих стран мира в 2010 г. продолжился не нарастанием экономического роста, а его угасанием. Более того, европейская экономическая группировка в 2012 г. вновь оказалась в фазе рецессии, если опираться на ее стандартные характеристики. При этом следует отметить, что многие эксперты в момент выхода из кризиса прогнозировали прогрессирующее улучшение посткризисной ситуации в развитых странах. Этот прогноз не подтвердился. Ведь с конца 2011 г. в течение последующих 6 кварталов промышленное производство и инвестиции в Европейском союзе (ЕС) непрерывно падали, несмотря на попытки их стиму-

лирования путем рекордного понижения ставки рефинансирования в Европейском Центральном банке (ЕЦБ) (последнее понижение от 1% в декабре 2011 г. до 0,5% с мая 2013 г. и до 0,25% в ноябре 2013 г.).

Таблица 1. Прирост (падение) реального ВВП в ведущих странах мира в 2007–2012 гг., %

Страны \ Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ЕС-27	3,2	0,3	-4,3	2,1	1,5	-0,3
Еврозона (17)	3,0	0,4	-4,4	2,0	1,4	-0,6
В том числе:						
— Германия	3,3	1,1	-5,1	4,2	3,0	0,7
— Франция	2,3	-0,1	-3,1	1,7	1,7	-0,1
— Великобритания	3,6	-1,0	-4,0	1,8	0,9	0,0
— Италия	1,7	-1,2	-5,5	1,7	0,4	-2,4
США	1,9	-0,3	-3,5	2,4	1,8	2,2
Япония	2,2	-1,0	-5,5	4,7	-0,6	2,0
КНР	14,2	9,6	9,2	10,3	9,2	7,8
Россия	8,1	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4

Источник: [30–32].

Заметим, что ранее ведущаяся дискуссия о вероятности второй волны кризиса нашла свое фактическое подтверждение применительно к странам ЕС, так же как и к Японии. Причем происходящие процессы в еврозоне в 2013 г. указывают на то, что в ней негативный тренд может еще продолжить свое действие. Хотя следует отметить, что во втором квартале 2013 г. по сравнению с первым кварталом впервые зафиксирован небольшой рост ВВП: в Германии на 0,7%, во Франции на 0,5%, ЕС на 0,2%. Но в целом по ЕС в 2013 г. превышение ВВП уровня прошлого года не могло произойти. Поэтому задача восстановления экономического роста и обеспечения его стабильности в данном интеграционном объединении сохраняет свое значение.

В отличие от ЕС экономическое положение в США более благоприятное. Во всяком случае, фаза экономического оживления в 2012 г. продолжилась. По-видимому, это объясняется тем, что американская экономика раньше других вступила в кризис и потому может раньше из него выйти. Более существенным моментом является то, что антикризисная политика количественного смягчения в этой стране, нацеленная на облегчение заимствования денег в интересах поддержки крупного бизнеса, при всех ее недостатках и межпартийной борьбе, тем не менее демонстрирует большую результативность в сравнении с ЕС. В этом наглядно проявляется достоинство использования антикризисных методов на уровне государства, которое обеспечивается благодаря большей оперативности и гибкости в сфере принятия решений, а также обязательностью в их исполнении. Интеграционный блок такими качествами не располагает из-за имманентно воспроизводимого конфликта интересов и эгоизма его участников, что осложняет согласование антикризисных мер, не говоря уже об их реализации. Аналогичными недостатками в еще большей степени характеризуется деятельность таких институтов глобализации, как МВФ и ВБ, призванных по замыслу их создателей осуществлять регулятивную функцию на всем глобальном поле.

Важной характеристикой произошедшего мирового кризиса является значительно более масштабное падение в секторе реальной экономики в сравнении с падением ВВП. В этом нетрудно убедиться, если сопоставить данные по ВВП с данными по промышленному производству (табл. 2). Падение промышленного производства в развитых странах в 2–3 раза превышало темпы уменьшения ВВП. Это означает, что динамика показателя ВВП в действительности скрывает истинные масштабы кризисного падения и трудности выхода из него. Характерным фактом является то, что во многих развитых капиталистических странах объем промышленного производства в 2012 г. все еще не достиг докризисного уровня. Так, в целом по ЕС данный показатель в 2012 г. был на 1,7% ниже в сравнении с 2005 г., в США — на 3%.

Таблица 2. Прирост (падение) промышленного производства в ведущих странах мира в 2007–2012 гг., %

Страны \ Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ЕС-27	3,7	-1,7	-13,7	6,9	3,2	-3,3
В том числе:						
— Германия	6,1	-0,1	-16,3	10,9	8,9	-0,8
— Франция	1,3	-2,8	-12,5	5,2	1,6	-2,2
— Великобритания	0,3	-3,1	-10,0	2,7	-0,6	-2,3
— Италия	1,8	-3,5	-18,8	6,7	0,1	-6,5
США	-1,7	-2,0	-11,4	5,4	4,1	3,6
Япония	1,3	-2,0	-21,3	16,0	-2,5	-1,0
КНР	13,4	9,3	9,9	11,0	13,0	9,5
Россия	7,4	3,5	-9,3	8,2	4,7	2,6

Источник: [30–32].

Следовательно, наблюдаемый рост ВВП не сопровождался адекватным ростом промышленного производства, а значит, существовала ограниченная возможность восстановления занятости и поддержания благосостояния. Это наглядный пример «роста без развития». Характерно, что созданная после кризиса Комиссия по оценке экономических результатов и социального прогресса во главе с Дж. Стиглицом в качестве одной из его причин определила то, что «существующая система измерения оказалась неадекватной и/или участники рынка и сотрудники государственных органов обращали внимание не на тот набор статистических показателей» [15, с.14].

В связи с этим следует обратить внимание на такое примечательное обстоятельство: если сопоставить начальную фазу падения промышленного производства в 2008–2009 гг. с аналогичной фазой в период Великой депрессии (1929–1933 гг.), то оказывается, что глубина спада в первые девять месяцев практически полностью совпала. Это означает, что опасность перерастания кризиса 2008–2009 гг. в вариант Великой депрессии-2 была весьма вероятной. Поэтому с точки зрения блокирования такого сценария развития событий реализуемая антикризисная политика может оцениваться как относительно успешная; правда, не стоит забывать о важности учета другого ее критерия, связанного с выводом кризисной экономики в фазу устойчивого экономического роста. Как раз по этому критерию проводимую антикризисную политику нельзя считать по-настоящему результативной. Последнее обстоятельство

тем более важно, поскольку приближение очередного циклического спада, а его можно ожидать уже в ближайшие годы, в условиях продолжения действия системных ограничений чревато наступлением нового и, не исключено, не менее масштабного мирового кризиса.

3. «Новая нормальность» и ее характеристики

Оценка происходящих процессов в посткризисной экономике вызывает неоднозначную реакцию среди экономистов. При этом далеко не все из них согласны со стандартностью возникшей ситуации в мировой экономике, определяемой сугубо циклической природой произошедшего кризиса. В связи с этим не случайно высказываются опасения по поводу утверждения некой «новой нормальности» в экономическом развитии, в соответствии с которой торможение роста и усиление его неустойчивости становятся вполне вероятными в отношении стран, составляющих ядро мирового хозяйства. Один из таких сценариев замедленного выхода из кризиса разработан глобальной инвестиционной компанией *Pimco* (*Pacific Investment Management Company*) — крупнейшим в мире паевым инвестиционным фондом, управляющим огромными активами, превышающими 1,8 трлн долл. Генеральный директор этой компании М. Эль-Эриан на основе анализа макроэкономической ситуации и проводимой антикризисной политики выдвинул гипотезу о высокой вероятности наступления длительного периода медленного посткризисного роста, сопровождаемого массовой безработицей и падением благосостояния в индустриально развитых капиталистических государствах, если не будут предприняты масштабные структурные реформы, вероятность проведения которых, по его оценке, весьма мала [16].

Сама по себе гипотеза о «новой нормальности» была выдвинута М. Эль-Эрианом и аналитиками *Pimco* в 2009 г. в качестве альтернативы преобладающему на тот момент прогнозу о возможности быстрого восстановления индустриально развитых стран. В этом отношении данная гипотеза получила свое эмпирическое подтверждение. Основные опасения, сформулированные М. Эль-Эрианом, были связаны с несколькими проблемами, которые заключаются в следующем: возникновение масштабного долгового навеса в индустриально развитых экономиках; сложность проведения крупных системных изменений, предполагающих фактическую смену хозяйственной модели; противоречивое влияние финансовой нормализации на восстановление производственной деятельности; растущие риски протекционизма. Недооценка этих проблем и пренебрежение осторожностью в их решении будут означать, что «развитые капиталистические страны рискуют соскользнуть в потерянные десятилетия низкого роста, высокой безработицы и падения благосостояния» [17].

Важным практическим результатом признания стагнационного характера выхода из кризиса стало уточнение политики стабилизации в США путем включения в ее состав нормы безработицы в качестве дополняющего целевого ориентира при осуществлении программы количественного смягчения во всех трех ее проявлениях (QE1–QE3). Если в докризисный период безработица в США падала до уровня 3,9% (октябрь 2000 г.), а к началу кризиса в 2007 г. поднялась до 5,8% (при установленной норме «естественной занятости» в 5%), то после кризиса 2008–2009 гг. значение данного целевого показателя для ФРС было повышено до 6,5%, по достижении кото-

рого не будет рассматриваться, в частности, вопрос о подъеме базовой процентной ставки ФРС, а она в своем рекордно низком значении (0–0,25%) действует с декабря 2008 г. Также будут использоваться другие дополняющие элементы политики сверхдешевых денег, в частности, остается неизменным целевой ориентир по инфляции в размере не более 2% роста в год, хотя, как уже ранее отмечалось, предложены были рекомендации о повышении предельного значения инфляции до 4% в год.

Если ФРС США в своей экономической деятельности фактически ориентируется одновременно на инфляцию и рост, что надо понимать в качестве определенного отступления от мейнстримной трактовки макроэкономической стабильности как ценовой стабильности, то ЕЦБ политику стабилизации по-прежнему реализует в варианте таргетирования инфляции, используя для этого процентную ставку в качестве главного инструмента. Вероятно, такой выбор целевого ориентира определяется чрезвычайно высокой дифференциацией общего экономического положения разных стран и более конкретно сильно расходящимися данными об уровне безработицы. К примеру, в мае 2013 г. безработица в Греции достигла 26,8% трудоспособного населения, в Испании — 26,9%, в то время как в Австрии она составила 4,7%, в Германии — 5,3% при среднем значении данного показателя по ЕС 11,1%. При этом разрывы в дефляторе и потребительской инфляции в странах ЕС несравнимо меньшие, чем по безработице. В среднем по ЕС дефлятор колеблется вокруг уровня 1,5–1,6%, а рост потребительских цен не превышает 1,7–2,0% в год.

Обратим внимание и на следующее отличие в проводимой экономической политике США и ЕС после кризиса. В США ставка сделана на «дешевые» деньги в расчете на активизацию бизнеса и стимулирование «снизу» технологических перемен для последующего запуска роста, поддерживаемого зарождающейся новой технологической волной. В ЕС аналогичную проблему технологического прорыва пытаются решить институциональными мерами, дополняя стандартную стабилизационную политику реализацией инновационной стратегии с ее ориентацией на «гармоничный, устойчивый и всеобъемлющий рост» [28].

Тем не менее текущее развитие индустриально развитых капиталистических стран по-прежнему свидетельствует в пользу гипотезы о действии «новой нормальности». В этом случае ключевую роль играют следующие факторы. Во-первых, речь идет о самом характере произошедшего мирового кризиса. То, что самый сильный поражающий эффект пришелся на развитые экономики и при этом не привел к разрушительным последствиям в странах «третьего мира», подтверждает факт о серьезном ослаблении стимулирующего потенциала ведущих экономических держав, обусловленный тупиком в развитии сложившейся у них хозяйственной модели финансового капитализма с его рентно-долговой характеристикой.

Во-вторых, примененные антикризисные меры не столько способствовали излечению возникшей «болезни», сколько обернулись ее фактическим обострением, имея в виду, в частности, возросшую задолженность государств и проблему с дефицитом госбюджета, которым сопутствовали сохраняющийся застой в сфере производства, высокий уровень структурной безработицы и т.д. Все эти остающиеся нерешенными проблемы характеризуют высокую неопределенность и риски в хозяйственной сфере развитых стран. Более того, проводимая антикризисная политика завела их в ситуацию ликвидной ловушки, при которой установление ставки рефинансирования, близкой к нулю, и ее рекордно длительный срок действия не

обеспечили надежного запуска экономического роста, несмотря на то что в стандартной ситуации реальный эффект в экономике от снижения процентной ставки начинал сказываться в предшествующие периоды примерно через 9 месяцев. Ныне предельно низкие процентные ставки в развитых экономиках остаются уже более четырех лет, но полноценного выхода из кризиса все еще не произошло. О том, что опасность вхождения в фазу длительной стагнации высока, свидетельствует пример застойного развития Японии в «нулевые годы» XXI в., который может стать для стран развитого капитализма «новой нормальностью».

В-третьих, наличие такого рода негативных факторов в центральной части глобального капитализма объясняет предположение о возможной смене экономического лидерства в мировом хозяйстве, что неизбежно обернется резким ужесточением международной конкуренции. Причем борьба за лидерство — это не просто борьба за высокие экономические позиции в мирохозяйственном рейтинге. Приоритетной целью становится появление «нового экономического авангарда» (имеется в виду восстановление сбалансированной структуры национальной экономики как эталонной). В связи с этим далеко не случайно, что кризиса смогли избежать страны, которые не пошли по пути деиндустриализации и необдуманного копирования западной экономической модели.

Таблица 3. Промышленное производство в развитых и развивающихся странах (добавленная стоимость в млрд долл. и постоянных ценах 2000 г.), 1993–2011 гг.

Страны	Годы	1993	2000	2007	2011	2011 к 1993, %	2011 к 2000, %
Мировое производство		8722	10 851	13 391	14 144	162,2	130,3
Развитые экономики		5423	5745	6194	5693	105,0	99,1
В том числе:							
— США		1811	2474	2686	2498	137,9	101,0
— Япония		1282	1278	1372	1289	100,5	100,9
— Германия		669	722	795	715	106,9	99,0
— Великобритания		411	473	482	437	106,3	92,4
— Италия		374	425	448	384	102,7	90,3
— Франция		321	373	411	370	115,3	99,2
Новые рыночные экономики		1279	1901	3142	4047	316,4	212,9
В том числе:							
— КНР		297	640	1395	2087	702,7	326,1
— Индия		96	152	265	342	356,2	225,0
— Юж. Корея		138	214	323	380	275,4	177,6
— Мексика		196	269	298	304	155,1	113,0
— Бразилия		164	198	238	262	220,7	132,3
Страны Индокитайского региона*		173	246	350	398	230,1	161,8
Россия		215	182	273	274	127,4	150,5

* Индонезия, Бангладеш, Малайзия, Таиланд, Вьетнам.

Источник: [33].

Хотя развитые капиталистические страны по-прежнему сохраняют свою ведущую роль в общем объеме промышленной продукции, и прежде всего в высоко-

технологических ее видах², она неуклонно сокращается из-за резкого уменьшения темпов роста вследствие вывода производства в развивающиеся страны. Причем этот процесс усилился после 2000 г., когда в большинстве развитых экономик наблюдалась стагнация промышленного производства, что контрастировало с его бурным ростом в развивающихся странах (табл. 3). В результате удельный вес в мировом промышленном производстве семи индустриально развитых стран уменьшился с 62,2% в 1993 г. до 40,2% в 2011 г. Соответственно роль группы наиболее динамично развивающихся новых рыночных экономик за этот период возросла с 14,7 до 28,6%.

Об обострении борьбы за экономическое лидерство свидетельствует существенное сокращение удельного веса американской промышленности в мировом производстве с 50% на начало 1950-х годов до 20,7% в 1993 г. и 17,7% в 2011 г. На таком экономическом фоне особенно выделяется стремительный взлет китайской промышленности. Если еще в 1993 г. она производила 3,4% мировой промышленной продукции, то к 2000 г. этот показатель составил 5,9%, а в 2011 г. он достиг 14,8%.

Убывание потенциала ведущих капиталистических экономик проявляется в самых разных направлениях. Его заметной чертой стало также постепенное ослабление их позиций в области мировой торговли. Созданные за счет политики аутсорсинга филиалы ТНК в развивающихся экономиках уже смогли отвоевать значительную часть мирового товарного рынка. Более того, новые индустриально-рыночные экономики весьма успешно внедряются на внутренних рынках развитых стран. Об этом свидетельствует соотношение экспорта и импорта промышленной продукции в США. По данным Минторга США, в 2011 г. американский экспорт промышленной продукции достиг 1,15 трлн долл., импорт — 1,61 трлн долл., соответственно торговый дефицит составил около 0,46 трлн долл. Причем наибольшее значение дефицита возникло в соотношении совокупного экспорта и импорта машин, оборудования и транспортных средств, которое явно не в пользу американской промышленности: 658 против 865 млрд долл. По другим товарным группам также импорт превышает экспорт: по химической промышленности — 247 против 235 млрд долл., по металлургии — 115 против 81 млрд долл., по текстилю и обуви — 131 против 30 млрд долл.

Важным обстоятельством является и то, что дефицит во внешнеторговом обороте наблюдается не только по товарам с низкой добавленной стоимостью, что логично с учетом перевода за рубеж трудоемких отраслей, но уже с 2002 г. происходит и по высокотехнологичным товарам, дефицит по которым только в США составил почти 100 млрд долл., в основном за счет импортных поставок компьютеров и телекоммуникационного оборудования.

Ослаблением конкурентных позиций ведущих экономических держав на мировых товарных рынках не ограничиваются потери от действия тенденции деиндустриализации. Дело в том, что организация производственной деятельности крупных компаний все чаще осуществляется через размещение отдельных стадий производства в разных странах, ориентируясь в первую очередь на более низкие издержки. Такая политика аутсорсинга противоречива по своим последствиям и для компаний, и для народного хозяйства. С одной стороны, ее реализация позволяет

---

² К примеру, в добавленной стоимости в производстве автомобилей доля развитых стран составляет 81,1%, машин и оборудования — 88,4%, но при этом их удельный вес в производстве табачных изделий и текстиля равняется 52,5%, предметов одежды и меха — 47%, изделий из кожи и обуви — 44,5%.

снизить издержки производства и этим повысить рентабельность бизнеса и принести дополнительные доходы государству, с другой — она способствует ослаблению устойчивости компаний и особенно отрицательно сказывается на деятельности народнохозяйственного комплекса, разрушая его как органично сформировавшуюся и устойчивую систему национально-общественного разделения труда с собственным воспроизводственным контуром и экономико-технологическими взаимосвязями. Все это обуславливает потребность переосмысления проблемы непрерывного наращивания международного разделения труда и более взвешенного подхода к обеспечению сбалансированности глобально-сетевого и народнохозяйственного уровней разделения труда.

Таблица 4. Отраслевая структура ВВП и занятости в 2012 г., %

Страны	Отраслевая структура ВВП			Отраслевая структура занятости		
	Сельское хозяйство*	Индустрия и строительство	Услуги	Сельское хозяйство	Индустрия и строительство	Услуги
Мир в целом	5,9	30,2	63,9	36,4	22,2	41,4
США	1,2	19,1	79,7	0,7	20,3	79,0
ЕС	1,8	24,6	73,5	5,3	22,9	71,8
В том числе:						
— Германия	0,8	28,1	71,1	1,6	24,6	73,8
— Франция	1,9	18,3	79,8	3,8	24,3	71,8
— Великобритания	0,7	21,1	78,2	1,4	18,2	80,4
— Италия	2,0	23,9	74,1	3,7	28,3	67,8
Япония	1,2	27,5	71,4	3,9	26,2	69,8
КНР	10,1	45,3	44,6	34,8	29,5	35,7
Индия	17,0	18,0	65,0	53,0	19,0	26,0
Россия	3,9	36,0	60,1	7,9	27,4	64,7

* Включая лесное хозяйство.
Источник: [34].

О разбалансированности народнохозяйственных комплексов экономически развитых стран свидетельствует отраслевая структура производства ВВП и занятости (табл. 4). Существенно сократившаяся доля сектора реальной экономики (сельское хозяйство, промышленность, строительство) в странах развитого капитализма в сравнении с общемировыми характеристиками на данном этапе должна уже интерпретироваться не как признак высокоразвитости, а как проявление несбалансированности, ведущей к неустойчивости национальных хозяйственных систем. Ведь сфера услуг при всей растущей важности для общества и обеспечения занятости людей не может рассматриваться как самодостаточная. Ее зыбкость и уязвимость к внешним шокам определяют в принципе подчиненную и зависимую роль от сферы производства для подавляющего большинства стран, прежде всего крупных. Развивая сервисный сектор, делая только на него ставку в стратегии развития, невозможно обеспечить стабильное и независимое развитие страны. Как бы ни были важны предоставляемые услуги, особенно в образовании и здравоохранении, но людей надо накормить и удовлетворить их основные потребности, необходимые для нормальной жизнедеятельности, обеспечить защиту страны и ее безопасность. Поэтому констатация постиндустриального статуса современной экономики, раскрывая

характер изменений в структуре занятости и хозяйственной деятельности, не отрицает своей зависимости от работающей реальной экономики, которая продолжает оставаться базисом для постиндустриальной надстройки.

То, что такая зависимость между производственным и сервисным секторами существует, подтверждает характер произошедшего кризисного обвала. Чрезмерное развитие сферы финансовых услуг (а именно она получила приоритетное развитие в сервисном сегменте в докризисный период) убедительно продемонстрировало, что такого типа национальные хозяйственные системы со сворачиваемым производством и разрушенными внутренними и межотраслевыми линиями взаимодействия не могут быть устойчивыми в принципе, а потому крайне уязвимы к внешним шокам.

Есть еще одно важное следствие нарушения народнохозяйственной целостности. Оно связано с тем, что в этих условиях резко падает эффективность действия межотраслевой конкуренции и тем самым разрушается рыночный механизм выравнивания норм прибыли в отраслях страны, затрудняя перелив капитала между отраслями, а значит, и возможность поддержки рыночными методами более рискованного инновационного сектора в экономике. Замещение межотраслевой международной конкуренцией закрепляет преимущественную миграцию капитала в глобальной сети, неизбежно обособляя высокоприбыльные сферы финансовой и хозяйственной деятельности от функционирования народнохозяйственных комплексов.

К тому же гипертрофированность развития внешнеориентированного сектора экономики и его относительно самостоятельное функционирование ведут одни страны к чрезмерному торговому дефициту, который чаще всего дополняется дефицитом платежного баланса и дефицитом госбюджета, другие — к чрезмерному профициту, формируя формально избыточные финансовые ресурсы. Они же в силу искажения в действии конкурентно-рыночного механизма не могут эффективно использоваться в интересах структурно-технологической перестройки и поддержания устойчивого экономического роста таких стран. Странам с преимущественно рентно-сырьевой и профицитной моделью остается надеяться на использование нерыночных методов в проведении назревшей диверсификации экономики, но для этого необходимо преодолеть неолиберальную идеологию и соблазны участия в глобализации, а также найти способы обойти разного рода ограничения, установленные правилами ВТО и другими международными институтами.

Характерно и то, что в посткризисные годы наблюдается постепенное изменение направления в движении прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в сторону развивающихся стран. Если в 2011 г. в развитые страны их было вложено 807,8 млрд долл., а в развивающиеся государства — 702,7 млрд долл., то в 2012 г. соотношение изменилось в пользу развивающихся стран — 680,4 против 548,9 млрд долл. Насколько такой сдвиг в перемещении ПИИ окажется устойчивым, настолько будет подкреплено изменение в конфигурации мирового рынка.

Пока же авторы многочисленных прогнозов, разрабатываемых международными аналитическими центрами, достаточно согласованно приходят к выводу о том, что в период 2020–2025 гг. группа развивающихся стран по основным объемным производственным показателям сможет превзойти развитые экономики, а КНР выйдет по ним на первое место в мире, превратившись из просто развивающейся страны в *развивающуюся сверхдержаву*. Так, согласно одному из таких прогнозов,

мировое производство ВВП к 2025 г. будет характеризоваться следующими межстрановыми соотношениями: США — 18,3%, ЕС — 17,4, КНР — 22,7, Индия — 8,2, Япония — 4,8%. Также прогнозируется изменение и в пользу нынешней группы развивающихся стран, на долю которых придется 52,2% мирового ВВП и, соответственно, на группу ныне развитых стран — 47,8% ВВП [18]. (Для сравнения: в 2012 г. в мировом ВВП доля США составляла 18,2%, ЕС — 20,3, КНР — 16,4, Японии — 5,6, Индии — 6,3%.) На развитые экономики пришлось 51,3% и на развивающиеся страны — 48,7% мирового ВВП.

Во всяком случае, если в период 1996–2005 гг. развитые капиталистические страны обеспечивали 1,7% среднегодового прироста мирового ВВП при общем его росте в 3,6%, т. е. почти его половину (при этом вклад США составлял 0,7% прироста, ЕС — 0,6% в сравнении с долей КНР в размере 0,6%), то в период 2006–2012 гг. при среднегодовом росте мирового ВВП в 3,4% роль локомотива в мировом хозяйстве перешла к Китаю, благодаря которому мировое производство росло со среднегодовым темпом в 1,3%, развивающиеся страны в целом обеспечили 2,8% прироста, тогда как вклад США и ЕС составил по 0,2%.

Обращает на себя внимание тот факт, что западные аналитики уже давно прогнозируют наступление спада в китайской экономике. Совсем недавно они утверждали, что Китай неспособен самостоятельно двигать мировую экономику, поскольку сильно зависим от экспорта в США и в другие развитые капиталистические страны. По их расчетам, получалось так, что уменьшение темпов роста американского ВВП на 1% должно приводить к уменьшению темпов роста ВВП Китая на 1,5%. Однако в действительности ситуация развивалась по другому сценарию. Если учитывать сокращение ВВП в США в 2009 г. на 5,5%, а также к этой величине прибавить примерно 2,5–3% обычного роста в докризисный период, то совокупное падение темпов американской экономики составило в произошедшей кризисной фазе 8,0–8,5%. В соответствии с выдвигаемыми расчетами оно должно было снизить рост ВВП КНР из-за уменьшения внешнего спроса не менее чем на 12%. Если брать за точку отсчета 2007 г., когда рост китайского ВВП достиг рекордного значения в 14,2%, то среднегодовой темп роста данного показателя в период 2009–2010 гг. должен был снизиться примерно до 2%. Действительно, экономика КНР притормозила свое развитие, но сокращение составило значительно меньшую величину, опустившись до 9,3–10,3% роста. Потери внешнего спроса китайская экономика компенсировала за счет расширения внутреннего спроса и активизации экспортной активности в странах Юга. В этой связи примечательным фактом стал более чем 20-кратный рост внешнеторгового оборота КНР за период с 2000 по 2012 г. со странами Африки, достигший объема 200 млрд долл., который стал уже больше торгового оборота с ФРГ (160 млрд долл.).

Безусловно, экономика Китая имеет свои многочисленные узкие места и ограничения, требующие существенной коррекции проводимой экономической политики, адаптируя ее к меняющимся внутренним условиям и реалиям посткризисного развития мирового хозяйства. В частности, необходимо учитывать, что перенесение акцента с внешнего на внутренний спрос позволяет минимизировать потери внешнего спроса, что в дальнейшем может стать надежной основой для продолжения экономического роста, принимая во внимание неисчерпаемый потенциал внутреннего рынка. Ведь конечное потребление домашних хозяйств в КНР составляет все

еще 34% ВВП, в то время как в США и других развитых капиталистических странах превышает 70%. Вместе с тем ставка на внутренний спрос предполагает существенное повышение доходов населения и устранение чрезмерно высокой дифференциации в китайском обществе, но это может существенно подорвать конкурентоспособность товаров на мировых рынках за счет роста издержек на их производство. Насколько удастся найти сбалансированный вариант проведения экономической политики, настолько подтвердится способность китайской экономики по-прежнему успешно развиваться в условиях появления новых ограничений.

В отличие от экономик динамично развивающихся стран, потенциал внутреннего спроса нынешних экономических лидеров ограничен. При этом одним из факторов, тормозящих экономический рост в этих странах, стала возможность возникновения еще одной ловушки — «ловушки богатства», попадание в которую обрачивается ситуацией экономического тупика с появлением труднопреодолимого предела экономического роста.

Дело в том, что создание модели экономического роста, в которой сбережения населения не генерируются доходом от участия в хозяйственной деятельности, а образуются за счет владения «богатством» (в первую очередь недвижимым имуществом, а также финансовыми активами), предполагало, что на этой основе, благодаря кредитной экспансии, удастся разогнать потребительский спрос и поддерживать его неограниченно в длительной перспективе. Тем самым внедренная кредитно-долговая модель экономического роста, казалось бы, позволяла заблокировать рецессию и устойчиво поддерживать экономический динамизм по мере наращивания накопленного богатства.

Так, согласно данным ФРС США, чистые активы американских семей («накопленное богатство»), определяемые как стоимость жилья, имущества и денежные сбережения населения за вычетом долгов по ипотеке и кредиту, в своем рекордном значении (второй квартал 2007 г.) достигли невероятного уровня в 64,4 трлн долл., т.е. свыше 200 тыс. долл. в среднем на душу населения³. (Для сравнения: в начале 1990-х годов чистые активы домохозяйств составили 13 трлн долл., увеличившись в 1999 г. до 28 трлн долл.) Понятно, что такой многократный прирост накопленного богатства, превышающий реальные сбережения домохозяйств, был обусловлен спекулятивной переоценкой финансовых активов, т.е., по существу, раздуванием огромного спекулятивного навеса.

Важно подчеркнуть, что реализация «эффекта богатства» представляла собой новую формулу в использовании так называемой капиталотворческой функции кредита в варианте деятельности новых финансовых институтов с использованием инструментов, притягивающих сбережения в ядро глобальной сети. Сама по себе данная функция, осуществляемая без должного контроля, уже ведет к кредитной экспансии с неизбежным перекредитованием (т.е. образованием кредитного пузыря) и кризисным обвалом. История циклического развития капиталистических стран полна примеров таких кризисных провалов. Главная опасность в наступлении фазы избыточного кредитования связана с вхождением в зону критического разрыва объема выданных кредитов с возможностями его обслуживания и погашения

---

³ В этом случае, естественно, необходимо учитывать высокий уровень дифференциации накопленного богатства. Так, чистая стоимость активов самого богатого одного процента всех американцев выше, чем у нижних 90%, вместе взятых.

значительной частью экономических агентов. Ее завершающим этапом, на котором «эффект богатства» превращается в «ловушку», становится последующее сжатие платежеспособного спроса с опасностью дефляционного шока и кризиса перепроизводства, которые получают продолжение в нарастании волны банкротств, в появлении массовой безработицы и т. д. Именно в такую ситуацию «ловушки богатства», возникшей вследствие дефляции активов, попали США и ряд других стран развитого капитализма.

Разрушение спекулятивной надстройки привело к тому, что в одночасье американские домохозяйства в 2009 г. лишились накопленного богатства в размере 16 трлн долл., что стало следствием обвала цен на рынках акций и недвижимости. Соответственно, его падение более чем на четверть не могло не повлиять на изменение модели потребительского поведения населения, возвращая сдерживающую роль накопления сбережений в переходе к более экономному потреблению. Такой возврат к «норме» закономерно привел к сокращению совокупного спроса с последующим вначале торможением, а затем и абсолютным падением производства.

Таким образом, наступивший посткризисный период представляет собой арену с обострившейся конкурентной борьбой на мировых рынках не только компаний, но и национальных экономик. Результаты борьбы за лидерство зависят от действия множества факторов, но в немалой степени будут определяться и тем, насколько новым индустриально-рыночным странам удастся успешно внедрить свою хозяйственную модель, при этом надолго сохранив возможность экономического роста вне чрезмерной зависимости от развитых экономик и с опорой на растущий внутренний спрос, а также на интенсивное расширение экономических связей по линии Юг–Юг.

4. Перспективы экономического роста в посткризисный период

Как оценить перспективы экономического развития мировой экономики в посткризисный период?

Отвечая на поставленный вопрос, прежде всего следует подчеркнуть чрезвычайную сложность прогнозирования будущего развития. В экономической сфере действует множество разнонаправленных факторов и ограничителей. К тому же сама она находится под влиянием различных неэкономических обстоятельств, и варианты ее развития во многом зависят от обоснованности принимаемых управленческих решений. Тем не менее некоторые соображения можно высказать, опираясь на сценарии посткризисного развития, которые осуществлялись в прошлом.

Начнем с того, что обратим внимание на исторически сложившуюся циклическую динамику на примере американской экономики, в которой наиболее детально отслеживаются эти процессы. С 1857 г., когда произошел первый циклический спад, в экономике США наблюдалось 33 таких периода: в XIX в. было зафиксировано 11 рецессий; в XX в. – 20, включая самый масштабный кризис 1929–1933 гг., в том числе после Второй мировой войны — 9. В наступившем новом столетии случились уже две рецессии: 2001 и 2007–2009 гг. [19].

Обобщая приведенные данные, следует считать, что временной диапазон между очередными циклическими спадами имеет примерную размерность в 5–6 лет. Это означает, что очередное циклическое падение в американской экономике может на-

ступить уже в 2014 г. Правда, не исключена и задержка, обусловленная продолжающейся политикой антикризисного сдерживания. Насколько она окажется действенной с точки зрения блокирования циклического спада, судить достаточно сложно, учитывая нестандартность сложившейся ситуации. Тем не менее рано или поздно ее придется постепенно ослаблять, а впоследствии и демонтировать. По-видимому, отход от политики искусственно затянувшегося количественного смягчения окажется своего рода тестом на устойчивость экономики. В известном смысле такой разворот в политике напоминает ситуацию 1937 г. в США, когда попытка сокращения госрасходов обернулась второй волной кризиса. Сможет ли современная экономика устоять в условиях отказа от политики дешевых денег?

Интересно и то, что банковские и валютные кризисы, сопровождающие циклические спады, имеют особенности проявления в индустриально развитых и развивающихся экономиках. Как видно из данных, приведенных в табл. 5, чаще всего валютные и банковские кризисы происходят в развивающихся экономиках, что неудивительно, учитывая неустойчивость работы их неразвившихся финансовых институтов. При этом индустриальные страны тяжелее переносят банковские кризисы как по масштабам последующего падения производства, так и по продолжительности самого кризиса. В противоположность им развивающиеся страны характеризуются более сильным падением производства, но зато даже в этом случае выходят из кризиса в более короткие сроки. Так, для восстановления наиболее тяжелой формы кризиса, в котором соединяются валютный и банковский кризисы, индустриально развитым экономикам требовалось почти 6 лет, а развивающимся странам — чуть больше 2,5 лет⁴.

Приближение циклического спада — это не единственная проблема, которая стоит перед ведущими экономическими державами. Еще более важное значение приобретают неоднозначные последствия от продолжающейся антикризисной политики. Ее недостатком является то, что сочетание монетарных методов стабилизации с кейнсианскими рецептами, само по себе достаточно спорное, в реальной хозяйственной жизни не смогло устранить системные причины произошедшего кризиса. Взятая на вооружение политика насыщения экономики дешевыми деньгами не столько способствовала расширению совокупного спроса, как это предполагал Дж. М. Кейнс, сколько обернулась их раздачей крупному бизнесу: сначала в качестве компенсации его убытков, а затем — вливаний в финансовую сферу, которые пошли не на инвестиции в целях восстановления реальной экономики, а на те же финансовые рынки с использованием их в спекулятивных сделках. К тому же в сфере производства все еще нет по-настоящему прорывных технологий, которые придали бы экономике недостающий сильный внутренний импульс, базирующийся на возможности увеличения прибыльности производства и конкурирующий с доходностью на финансовых рынках⁵.

Вновь обращаясь к исторической практике, выделим три возможных варианта посткризисного развития. *Первый вариант* можно представить *по форме буквы U*. Это нормальная модель быстрого преодоления стандартного циклического кризиса,

---

⁴ В исследовании К. Рейнхарт и К. Рогофф отмечается, что после Второй мировой войны странам требовалось в среднем 4,4 года, чтобы производство вернулось к предкризисному уровню. Во времена Великой депрессии для этого потребовалось в среднем 10 лет [20, с. 278–279].

⁵ О перспективных инновационных сдвигах в современной экономике см. [21].

Таблица 5. Валютные и банковские кризисы в индустриально развитых и развивающихся странах

Тип кризиса	Число кризисов	Средняя продолжительность кризиса*, годы	Среднее падение прироста производства**, %	Количество кризисов, сопровождавшихся реальным падением производства***, %	Среднее падение производства во время кризисов, сопровождавшихся реальным падением производства, %
<i>Валютный кризис</i>	158	1,6	4,3	61	7,1
Индустриальные страны	42	1,9	3,1	55	5,6
Развивающиеся страны	116	1,5	4,8	64	7,6
<i>Валютный крах****</i>	55	2,0	7,1	71	10,1
Индустриальные страны	13	2,1	5,0	62	8,0
Развивающиеся страны	42	1,9	7,9	74	10,7
<i>Банковский кризис</i>	54	3,1	11,6	82	14,2
Индустриальные страны	12	4,1	10,2	67	15,2
Развивающиеся страны	42	2,8	12,1	86	14,0
<i>Валютный и банковский кризис</i>	32	3,2	14,4	78	18,5
Индустриальные страны	6	5,8	17,6	100	17,6
Развивающиеся страны	26	2,6	13,6	73	18,8

* Среднее время, за которое темп роста ВВП возвращается на докризисный уровень.

** Рассчитывается как разница между ожидаемым (в случае отсутствия кризиса) и реальным уровнем производства на момент окончания кризиса. При этом производство может и вырасти, но меньше, чем ожидалось.

*** Количество кризисов, в результате которых производство действительно упало.

**** Валютным крахом считается валютный кризис, при котором курс национальной валюты падает на 25% или ниже.

Источник: [32].

характеризуемого временным нарушением сбалансированности спроса и предложения. В качестве его наглядного примера приведем кризис в США 1920–1921 гг. В этот период произошло падение производства на 12%, а безработица достигла на пике кризиса заметной величины в 11,2%. Однако благодаря быстрому устранению возникших перекосов на товарных рынках и рыночной санации неэффективных производств с непрофессиональным менеджментом этот кризис был быстро преодолен, и уже в 1923 г. производство, доходы и зарплата превысили докризисный уровень. При этом безработица сократилась до 1,3% трудоспособного населения.

Второй вариант можно представить *по форме буквы W*. Это модель повторного (двухфазового) кризиса. Самым ярким примером ее действия стала Великая депрессия (1929–1933 гг.), когда падение производства в США составило 44%, а безработица достигла 13 млн человек (или 24% трудоспособного населения). Однако не только рекордными масштабами спада отличился данный кризис. Для него еще более характерным оказалось наступление после короткого периода оживления второй волны кризиса (1937–1939 гг.), которая произошла вследствие попытки проведения сокращения государственных расходов в целях сбалансирования бюджета и ужесточения денежно-кредитной политики. В этот период производство сжалось на 20%, а безработица вновь увеличилась с 6 до 10,5 млн человек, достигнув 19% трудоспособного населения.

Третий вариант можно представить *по форме квадратного корня $\sqrt{\quad}$* . Для него характерно неполное посткризисное восстановление с последующей стагнацией, которая на данном этапе может стать «новой нормальностью» для развитых экономик. И у этого варианта есть соответствующий пример. Он касается уже ранее приводимого примера современного экономического развития Японии. Дело в том, что экономическое развитие этой страны, пройдя через бурный рост в период 1950–1970 гг., когда среднегодовой рост ВВП составлял 10%, постепенно сбавляло темпы роста, особенно после «азиатского кризиса» (1997–1998 гг.). В 1996–2000 гг. среднегодовой рост ВВП в Японии сократился до 0,8%, в 2001–2005 гг. он составил 1,2%, в 2006–2010 гг. — 0,3%. В немалой степени понижательному тренду способствовала возникшая с 1996 г. «дефляционная ловушка», которая продолжает действовать до настоящего времени. Дефлятор ВВП все это время имеет отрицательное значение в диапазоне минус 0,5 — минус 1,4%. К тому же японская экономика в процессе обрушения рынков потеряла активы, воплощенные в цене земли и фондовом индексе, на 15 трлн долл. В результате японские компании больше озабочены не максимизацией прибыли, а проблемой минимизации долга.

При сравнении предложенных вариантов посткризисного развития есть достаточные основания предположить, что на данном этапе третий вариант наиболее точно описывает нынешнюю ситуацию в центре мирового хозяйства. В подтверждение данного вывода стоит обратить внимание на ряд совпадающих элементов в политике стабилизации, реализуемых в Японии в «нулевые годы» и существующих на данном этапе в странах ЕС и США. К ним следует отнести: установление ставки рефинансирования на уровне, близком к нулю; высокую долговую нагрузку и продолжительное действие минимальной инфляции, балансирующее между рисками перехода в дефляцию или инфляционного срыва. Но эти причины как раз заблокировали выход японской экономики из рецессии в течение длительного периода времени. Поэтому избежать такого экономического сценария в будущем, так же как и не допустить

другие возможные неблагоприятные сценарии развития событий, можно в том случае, если будут изменены параметры проводимой политики стабилизации и, что еще более важно, будет проведено масштабное реформирование сложившейся еще до кризиса хозяйственной модели, а значит, устранятся системные риски и угрозы для экономического развития.

Ограничивает такой вариант реформирования половинчатость предлагаемых антикризисных мер, а также противоречивый характер их применения в США. Необходимо учитывать, что происходящие изменения в американской хозяйственной системе, как ни в одной другой стране, оказывают сильное влияние на процессы в других государствах. В связи с этим следует обратить внимание еще на одну характеристику политики ФРС — так называемую «новую норму». Дело в том, что ФРС нацелена на одновременное решение двух задач: 1) реиндустриализацию своей экономики и восстановление занятости в стране и 2) сохранение господствующего положения американского доллара в качестве резервной валюты [22]. Однако указанные задачи по своей сути являются взаимоисключающими и содержат в себе внутренний конфликт. При этом на данном этапе приоритет отдан отстаиванию доминирования доллара в глобальной финансовой сети, что сдерживает решение внутренних экономических проблем, которые затем транслируются в мирохозяйственное пространство. Продолжая печатать деньги, США свой эмиссионный доход фактически превратили в глобальный налог, который другие страны оплачивают для поддержки американской экономики.

Подводя итог проведенному анализу, подчеркнем, что трудности преодоления неустойчивого роста после кризиса 2008–2009 гг. в основном определяются тем, что его природа обусловлена не только циклической, но и системной составляющей. Поэтому переход в фазу устойчивого роста предполагает поиск новой парадигмы развития и смену хозяйственной модели. И здесь ключевую роль должна сыграть экономическая наука, предложив в этих целях новые идеи. Однако проблема заключается в том, что пока не выработан такой принципиально новый подход, так же как и нет сегодня в мире признанного научного авторитета и политического лидера. Этим современная ситуация принципиально отличается от 1930-х годов, когда такие крупные фигуры были в лице Кейнса и Рузвельта.

Следует отметить, что условиях возникшего концептуального кризиса оказалось вполне ожидаемым возрождение интереса к кейнсианству, которое в качестве исторически проверенной и успешно примененной контрциклической теории восстанавливает свои ранее ослабленные позиции в академической среде. В обновленном варианте эта школа вполне может претендовать на полноценное возвращение не только в экономическую теорию, но и в хозяйственную практику. На данную тему в настоящее время ведутся острые дискуссии, особенно среди американских экономистов. Образовалось два непримиримых по своим научным и политическим позициям научных лагеря. С одной стороны, «экономисты пресной воды» — монетаристы и сторонники экономики предложения, особенно популярные в расположенных рядом с Великими озерами университетах Чикаго, Миннесоты, Карнеги и др.; с другой — «экономисты морской воды» — кейнсианцы, группирующиеся в университетах на восточном и западном морском побережье США: Беркли, Гарвард, МИТ, Стэнфорд, Принстон и др. Главный вопрос в этих принципиальных дискуссиях — судьба кейнсианства в его конкуренции с чикагской монетаристской версией

неоклассики в посткризисной экономике. По этому поводу оценки высказываются диаметрально противоположные.

Так, последовательный и активный сторонник кейнсианства П. Кругман, характеризуя современный вариант неоклассицизма как «обновленный роман с идеализированным рынком», ярче всего выступающий в виде гипотезы «эффективных рынков», делает вывод о том, что «кейнсианские воззрения остались единственными достойными внимания» и в конечном счете именно их реализм и содержательность позволяют и сегодня считать эту теорию «лучшей из имеющихся теорий о природе рецессий и депрессий» [5]. Поэтому переход к модели экономики, опирающейся на стимулирование эффективного спроса, активно используя для этого государство, остается главным рецептом в борьбе с рецессией и застоем.

Его оппонент Дж. Кокрейн, представляющий монетаристскую школу, напротив, клеймит кейнсианский подход к экономике, считая его полностью дискредитированным и неприемлемым. По его мнению, суть гипотезы «эффективных рынков» заключается не в том, что они всегда успешно выполняют свои функции, а в обосновании непредсказуемости и неуправляемости рынками извне. Поэтому государственное вмешательство в их работу приносит больший вред, чем даже их самокоррекция при помощи кризисов. Отсюда делается вывод: «свободные рынки — худшая из систем», но государственный контроль рынков, и особенно рынков ценных бумаг, «всегда оказывается гораздо худшим вариантом» [23]. Поэтому сохранение модели экономики предложения, в которой центральная роль отводится частному бизнесу, стимулируемому снижением налогов и другими мерами, выдвигается как наиболее эффективный способ выхода из нынешнего кризиса.

Чем закончится происходящая дискуссия между двумя признанными научными школами в академической науке, судить сложно [24]. Каждая сторона имеет свой набор контраргументов, обозначая одновременно значительный массив непреодолимых расхождений. Скорее всего, лидирующая позиция той или иной школы в академической среде и в сфере экономической политики будет определяться не столько весомостью научных аргументов, сколько остротой экономической и социально-политической ситуации в мире и в отдельных странах, степенью нарастания всеобщей конфликтности и способностью к ее разрешению, а также сложившимися идеологическими пристрастиями самих экономистов-теоретиков и находящихся у власти политических элит. С содержательной стороны позиция кейнсианской школы объективно представляется, на наш взгляд, более предпочтительной, и в перспективе у нее более высокая вероятность возобладания, если ее представители извлекут адекватные уроки из кризиса этой школы середины 1970-х годов, а в мировом хозяйстве произойдет перестройка с учетом причин и последствий нынешнего кризиса глобализации⁶. Этому также способствует накопившаяся «усталость» от монополизма ортодоксальных неоклассиков с их жесткой риторикой.

---

⁶ Важно учитывать, что кейнсианская антикризисная политика основывалась на решающей роли национально-государственных регуляторов, а потому их фактический демонтаж в условиях растущей глобализации закономерно предопределил провал всей выстроенной системы антициклического регулирования [25].

5. Экономический рост России: ограничения и возможности

Экономика России после мирового кризиса 2008–2009 гг. развивалась по такому же сценарию, который оказался присущ развитым капиталистическим странам. Он отражает непосредственное и плотное погружение российского хозяйства в глобальное экономическое пространство, что предопределило его высокую уязвимость от внешних факторов. Так же как другие страны, РФ вышла из кризисной фазы в 2010 г., продемонстрировав при этом неплохие результаты: рост ВВП составил 4,5%, промышленности — 8,2%. Однако последующие годы характеризовались затухающей экономической динамикой. В результате в первой половине 2013 г. ВВП страны вырос всего на 1,4% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, а рост в сфере промышленного производства практически прекратился. Если ранее Минэкономразвития РФ прогнозировало в текущем году рост ВВП в 3,5–3,7%, то затем в череде последующих коррекций он уже был снижен до 1,8–2,0% прироста в целом за год. При этом сохраняется вероятность того, что и данный прогноз придется снова корректировать в сторону понижения.

Отметим и такой факт. В конце 2012 г. Президент России В. В. Путин поручил РАН подготовить доклад на тему «О комплексе мер по обеспечению устойчивого развития России в условиях глобальной нестабильности». Примечательно то, что такое поручение было дано не либеральному экспертному сообществу, как это практиковалось в последние два десятилетия, а академической школе, которая олицетворяет альтернативные научные идеи в экономической теории и политике.

Затухающая линия экономического развития России и опасность вхождения в рецессию в целом закономерны, поскольку сложившаяся рентно-сырьевая модель, не выдержав испытания при наступлении мирового кризиса 2008–2009 гг., фактически не претерпела существенной трансформации, поэтому в своем старом варианте не может не испытывать трудности выхода из кризиса на траекторию динамичного и сбалансированного роста. Данное обстоятельство объясняет, казалось бы, парадоксальность возникшей ситуации. Цены на энергоносители находятся на вполне комфортном для нас уровне, который ранее обеспечивал приемлемую динамику российской экономике, но на нынешнем этапе они уже утратили свою стимулирующую роль. Обратим внимание на такое обстоятельство: хотя мировой кризис существенным образом повлиял на вхождение России в фазу депрессии осенью 2008 г., тем не менее торможение роста ВВП и промышленного производства, включая добывающие отрасли, уже началось в первом квартале 2008 г., и это несмотря на установившиеся максимально высокие цены на энергоносители.

В связи с этим полезно более подробно разобраться с факторами экономического роста в России в период после дефолта 1998 г., когда наступила фаза восстановительного роста и завершилось формирование ее хозяйственной модели.

Вступив в фазу восстановительного роста, отечественная экономика прошла несколько этапов, которые отличались своими особенностями в проведении экономической политики и неодинаковым сочетанием факторов роста, так же как и несопадающими динамическими характеристиками. На начальном этапе (1999–2001 гг.) экономический рост был обеспечен за счет действия импортозамещающего фактора при одновременной нормализации макроэкономической среды для производственной деятельности и введения разумных мер по защите внутреннего рынка, кото-

рые первоначально были осуществлены правительством Примакова–Маслюкова. Можно сказать, что само изменение отношения к производству и производителям вернуло доверие зарождающегося производственного бизнеса к проводимой правительством политике и практически мгновенно позволило запустить простаивающий производственный капитал. Безусловно, важную роль при этом сыграло значительное удорожание импортной продукции из-за произошедшей резкой девальвации национальной валюты. Во многих случаях оно достигало трехкратной величины, что существенно повышало ценовую конкурентоспособность отечественных товаров⁷. Однако подчеркнем, что только одного этого ресурса недостаточно для стимулирования роста промышленного производства, особенно в ослабленной и несложившейся рыночной экономике. Потребовалась целая система мер, чтобы на основе импортозамещения запустить экономический рост и стимулировать производственную деятельность в стране.

Сокращение импорта, которое произошло с 72 млрд долл. в 1997 г. до 39,6 млрд долл. в 1999 г. (т.е. на 45%), позволило в течение последующих трех лет, когда объем импорта не превышал его значения 1997 г., в опережающем темпе обеспечить увеличение промышленного производства в текущих ценах в 4,4 раза — с 1,6 до 7,1 трлн рублей при одновременном более чем четырехкратном росте розничного товарооборота. Следует подчеркнуть, что самые высокие темпы развития промышленного производства в постсоветский период в РФ были обеспечены как раз в 1999 и 2000 гг., и они составили 11,0 и 8,7% соответственно (в сопоставимых ценах). Также высокие темпы были продемонстрированы в инвестиционной сфере. Капиталовложения в основные фонды промышленности в сопоставимых ценах возросли на 5,3% в 1999 г., на 17,4% в 2000 г., на 10,0% в 2001 г.

В результате начавшийся экономический рост благодаря импортозамещению позволил российским производителям хотя бы частично вернуть катастрофически ослабленные позиции на внутреннем рынке страны. Особенно показательным примером стала ситуация с пищевой промышленностью. Объем ее производства, который в 1998 г. упал до 45% к уровню 1991 г., к 2003 г. увеличился до 70%, а затем к 2008 г. возрос до 90%.

Оценивая основные факторы экономического роста в этот период, отметим, что ими стали импортозамещение, которое обеспечило примерно 40–45% прироста промышленного производства, затем наращивание экспорта, на долю которого пришлось 25–30% его прироста. Остальная часть прироста была достигнута за счет государственного потребления, в частности увеличения военных заказов, а также восстановления необходимого уровня запасов.

Важно подчеркнуть, что достигнутые результаты в 1999–2001 гг. после тяжелого и продолжительного кризиса 1990-х годов, а затем и дефолта 1998 г., приведшие к чрезвычайному ослаблению отечественной экономики и при отсутствии каких-либо «подушек безопасности»⁸, тем не менее оказались несравнимо более впечат-

⁷ В качестве показательного примера сошлемся на соотношение цен на таком чувствительном для потребителей сегменте рынка, как рынок спиртных напитков. После дефолта цены на импортные их образцы выросли пропорционально росту курса доллара (т.е. втрое), а на отечественную водку цена к концу 1998 г. поднялась максимум на 40% по сравнению с докризисным периодом.

⁸ Достаточно привести такой пример. После дефолта 1998 г. валютные активы в стране в тот период не превышали 12,5 млрд долл., в то время как в конце 2007 г. их величина составила 466,75 млрд долл., не считая накопленных средств в Резервном фонде и Фонде национального благосостояния.

ляющими, чем нынешняя ситуация после мирового кризиса 2008–2009 гг. Данное обстоятельство требует дополнительного разъяснения. К нему обратимся после сравнительной оценки факторов роста в двух периодах: 1999–2008 гг. и 2010–2012 гг.

Таблица 6. Основные факторы роста ВВП РФ в 1999–2008 гг. (в текущих ценах)*

Факторы роста	Значение, трлн руб.	Доля, %
Прирост ВВП	36,3	100
Прирост расходов на конечное потребление	24,3	66,9
В том числе прирост:		
— домашних хозяйств	17,4	47,9
— государственного управления	6,7	18,5
Прирост инвестиций в основной капитал	8,7	24,0
Прирост чистого экспорта товаров и услуг	3,0	8,3
Прирост емкости внутреннего рынка (ВВП– чистый экспорт) и его обеспечение за счет прироста:	33,3	100
— промышленного производства	21,6	64,9
— сельского хозяйства	2,1	6,3
— импорта товаров и услуг	7,85	23,6

* Оценить факторы роста ВВП РФ в 1999–2008 гг. в сопоставимых ценах не представляется возможным. Рассчитано по: [35; 36].

В табл. 6 приведены расчетные данные о соотношении факторов роста ВВП страны в 1999–2008 гг. Из них следует, что экономический рост в России в восстановительный период определялся, главным образом, действием внутренних факторов — увеличением объема конечного потребления (емкости внутреннего рынка) как за счет домашних хозяйств, так и благодаря росту потребления со стороны государства. То, что на долю увеличения конечного потребления пришлось 66,9% прироста ВВП, означает, что его расширение обеспечило не меньше 4,5% среднегодового роста из 7% общей динамики ВВП. Следующим фактором по значимости стал прирост инвестиций в основной капитал, который дал еще 1,6% среднегодового прироста ВВП. Что касается роли экспорта в обеспечении развития экономики страны в восстановительный период, то его оценка не столь однозначна. При всем том, что на экспорт приходилось около 28% ВВП, его вклад в экономический рост, определяемый по сальдо экспорта и импорта (чистому экспорту), составил менее 1% среднегодового прироста ВВП. Важно также то, что приращение внутреннего рынка на 71,2% происходило за счет отечественного промышленного и аграрного производства.

В табл. 7 приведены расчетные данные о соотношении факторов роста ВВП страны после кризиса 2008–2009 гг., которые, с одной стороны, указывают на их совпадение с докризисным периодом, с другой — фиксируют возникновение новых тенденций. То, что в указанные периоды основными факторами роста оставались внутренние факторы — конечное потребление, прежде всего домашних хозяйств, а также используемые инвестиции в производстве, находит подтверждение в изменении структуры ВВП. Так, доля потребления домашних хозяйств в 2000 г. в текущих ценах составляла 45% и в 2012 г. увеличилась до 50,4%. При расчете ВВП в постоянных ценах 2008 г. его доля увеличилась с 38% в 2002 г. до 53% в 2012 г.

Таблица 7. Основные факторы роста ВВП России в 2010–2012 гг.

Факторы роста	В текущих ценах		В постоянных ценах 2008 г.	
	трлн руб.	%	трлн руб.	%
Прирост ВВП	23,8	100	4,8	100
Прирост конечного потребления	13,2	55,5	3,6	75,0
В том числе прирост:				
— домашних хозяйств	9,6	40,3	3,8	79,2
— государственного управления	3,6	15,1	-0,1	-2,1
Прирост валового накопления	8,9	37,4	4,2	87,5
Прирост накопления основного капитала	5,2	21,8	1,9	39,6
Прирост чистого экспорта	1,7	7,1	-3,1	-64,6
Прирост емкости внутреннего рынка за счет:	22,1	100	7,9	100
— промышленности	9,3	42,1	1,3	16,5
— сельского хозяйства	0,45	2,0	0	0
— импорта	5,9	26,7	4,2	53,2

Рассчитано по: [37].

Что касается экспорта, то его значение не превышает 7–8% прироста ВВП. Иначе говоря, основные факторы роста определяются состоянием внутреннего спроса нашей экономики, рост его емкости закладывал и по-прежнему формирует главные предпосылки успешности развития. Данное обстоятельство тем более важно подчеркнуть, что выделенные периоды характеризовались исключительно благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, не считая сбоя в 2008–2009 гг. Этим создавалась иллюзия о перспективности опоры на экспортно-ориентированную модель роста.

Оценка возможности ее использования на основе преимущественно сырьевого экспорта еще в большей степени может быть подвергнута сомнению, если приведенные ранее расчеты перевести из текущих в сопоставимые цены (см. табл. 7). В связи с этим дополнительно сошлемся на уже проведенный анализ [26, с. 51–61, 196–201], согласно которому опережающий рост цен на энергоресурсы существенно улучшил условия внешней торговли для нашей страны. Благодаря такому улучшению народное хозяйство России могло за тот же физический объем экспорта углеводородов и сырья приобретать по импорту значительно большую физическую массу товаров. В целом за 2003–2007 гг. объем импорта продукции в физической массе возрос в 2,6 раза, тогда как экспорт товаров увеличился в 1,5 раза. В результате прирост импорта в сопоставимых ценах почти в 2 раза превышал прирост экспорта, что привело к отрицательному значению чистого экспорта в 2007–2008 гг. Его отрицательное выражение свидетельствует об активизации процесса вытеснения отечественных товаропроизводителей со своего внутреннего рынка. Иначе говоря, с точки зрения факторов роста оно должно оцениваться как тормозящий фактор, препятствующий потенциальному росту ВВП страны. Можно считать, что с 2007 г. потенциал роста внешнего спроса для российских производителей оказался меньше, чем увеличение доли импорта в приросте емкости внутреннего рынка. По оценке И. А. Погосова, выявленные масштабы вытеснения импортом отечественного производства сокращали возможности роста национального производства ежегодно примерно на 1–1,5% [26, с. 52].

Дополнительным фактором, повлиявшим на торможение роста российской экономики после кризиса 2008–2009 гг., стало заметное снижение темпов роста производительности труда. Если в период 1999–2007 гг. производительность труда в народном хозяйстве росла на 7–7,5% ежегодно, то в период 2010–2012 гг. ее рост сократился до 3,2–3,8%.

С учетом действия факторов роста возникает вопрос: насколько хозяйственная модель России выступает в качестве экспортно-ориентированной, как она традиционно определяется?

Как уже ранее было выявлено, с точки зрения действия первичных факторов таковой она формально не является. Вместе с тем значение экспорта и его доходов имеет ключевое значение в наполнении доходной части бюджета. Если в 2000 г. поступления в федеральный бюджет от внешнеэкономической деятельности составили 229 млрд рублей, или 20,2% от всех доходов, то уже в 2005 г. они возросли до 1681 млрд рублей, определив 30% от всех доходов, а в 2011 г. достигли 4665 млрд рублей, или 41% от всех бюджетных поступлений. Значимость непосредственных поступлений по данной доходной статье, не считая увеличения по сопутствующим видам налогов, заключается в том, что, занимая первое место в федеральном бюджете по объему, ее наполняемость фактически определяет возможности достижения профицита бюджета. При исключении данной статьи в федеральном бюджете возникает дефицит в размере не менее 7,7% ВВП.

Экспорт сырья также играл большую роль в формировании преобладающей части прибылей сырьевых компаний и, соответственно, в образовании высокой рентабельности в данной отрасли. Так, в 2011 г. общая прибыль, полученная при добыче полезных ископаемых, составила 1,8 трлн рублей. Она определила рентабельность по реализованной продукции в 31,4%. (Для сравнения: прибыль всего обрабатывающего комплекса в этом же году равнялась 2,0 трлн рублей, но при уровне рентабельности реализованной продукции в 13,2%; а при производстве машин и оборудования рентабельность даже значительно ниже — 6,6%.)

Тем самым по своему внутреннему строению и внешним зависимостям российская экономика представляла собой достаточно типичный вариант экспортно-сырьевой экономики со всеми ее недостатками, хотя сам по себе экспорт сырья формально не играл значительной роли в непосредственном обеспечении роста экономики России. С этой стороны она не была экспортно-ориентированной моделью экономического роста в чистом виде, т.е. особенно когда такая модель базируется на экспорте готовой продукции. Дополнительным основанием для такого вывода служит то, что экономика с большим по емкости собственным рынком уже по определению органично и устойчиво развивается, если опирается на расширяющийся внутренний спрос, поддерживаемый собственным производством или экспортом готовой продукции, а также их комбинацией.

Однако именно благодаря увеличению доходов от экспорта углеводородов и сырья в значительной мере поддерживался рост как конечного потребления, так и инвестиций, что благоприятствовало экономическому развитию страны. Поэтому за счет высоких цен на нефть и высоких экспортных доходов обеспечивалось до 2/3 прироста конечного потребления в стране. Соответственно можно считать, что и экономический рост опосредованно примерно на 50% поддерживался экспортом. Такую оценку, в частности, дает Минэкономразвития РФ.

При этом возникающие вторичные эффекты с точки зрения воздействия на характер и темпы экономического роста могут быть положительными или отрицательными. Собственно, они традиционно исследуются в контексте проблемы функционирования рентно-сырьевой экономики, связанной с так называемым «ресурсным проклятьем».

Положительными вторичные эффекты будут тогда, когда достаточная, а на каких-то этапах и преобладающая часть доходов ресурсного экспорта уходит на расширение инвестиций в производственной сфере, а прирост расходов конечного потребления обеспечивается наращиванием внутреннего производства. Именно по такому сценарию происходило восстановление российской экономики после дефолта 1998 г. Опираясь первоначально на импортозамещение, а затем на наращивание инвестиционной активности, удалось вывести экономику в фазу поддерживающего и устойчивого роста. Хотя следует отметить, что данный ресурс, к сожалению, не был использован в полной мере для реальной диверсификации производства. Впоследствии наступивший период высоких цен на энергоресурсы и сырье поддерживал рост, сглаживая недостатки недодиверсифицированного производства.

Отрицательное значение вторичные эффекты сырьевого экспорта приобретут, если растущий внутренний спрос будет удовлетворяться за счет увеличивающихся импортных поставок готовой продукции как потребительского, так и инвестиционного применения. Это означает, что оборотной стороной экспортно-сырьевой модели становится подавление импортом отечественных производителей готовой продукции. Количественно данный разворот фиксируется возникновением отрицательного значения чистого экспорта при расчете в постоянных ценах. Такая ситуация уже возникла в предкризисный период 2007–2008 гг., а затем после произошедшего мирового кризиса она значительно усугубилась (см. табл. 7). Отрицательное значение чистого экспорта 3,1 трлн рублей предопределило практически двукратное сокращение потенциально возможного роста ВВП в 2010–2012 гг.

Еще более существенно другое следствие, обусловленное не только падением темпов, но и потерей устойчивости и самовоспроизводимости экономического роста, которые стали закономерным следствием продолжения действия тенденции деиндустриализации. В этом заключается главное объяснение неординарных результатов восстановления экономики России после кризисов 1998 и 2008–2009 гг. Оно еще должно быть дополнено недооцененными и плохо просчитанными потерями от вступления РФ в ВТО в 2012 г., которые внесли свою лепту в торможение экономического роста. Первые результаты участия в ВТО характеризовались замедлением экспорта и ускорением импорта. Даже металлургическая отрасль, которая по расчетам должна была выиграть при вступлении в ВТО, эти ожидания не оправдала.

Кроме того, среди негативных последствий следует учитывать, что зависимость российской экономики от внешних условий хозяйственной деятельности приобретает двоякий характер. По линии экспорта она определяется сильным влиянием мировых цен на энергоносители на объем требуемых доходов для поддержки роста конечного потребления. По линии импорта она выражается в возникновении критичных зон в обеспечении потребления по многим продуктовым позициям.

Еще одной существенной стороной внешней зависимости экономики России является наращивание избыточных заимствований банков и бизнеса. Общий внешний долг страны на начало июля 2013 г. возрос до 704 млрд долл., включая 211 млрд

долга банков и 418 млрд долл. небанковских структур. Причем достигнутый объем внешнего долга уже почти в 1,5 раза превышает его объем перед началом мирового кризиса⁹. Хорошо известна роль данного фактора в кризисном развороте российской экономики. Тем самым в отечественной экономике превзойден по своей потенциальной опасности этот фактор риска.

Сложившаяся экспортно-сырьевая модель экономики в России опасна не только своими макроэкономическими последствиями, но и политико-экономической зависимостью ее главных выгодоприобретателей от внешних условий и факторов хозяйствования. Таковыми являются сырьевые компании и государственная бюрократия, успешность и благополучие которых определяются величиной рентных доходов, поступающих в их распоряжение. В возникшей системе хозяйственных координат сырьевая рента превратилась в своего рода «экономический наркотик», препятствующий переходу к устойчивому и сбалансированному развитию страны с опорой на внутренние факторы. Поэтому главный вывод, вытекающий из анализа восстановительного период, — это насущная необходимость проведения активной промышленной политики, реализуемой в рамках новой индустриализации России с ее нацеленностью на смену экспортно-сырьевой модели развития [27].

Что касается макроэкономической политики стабилизации, то сохранение ее ориентира на денежно-кредитные методы и сокращение инфляции в условиях глобальной нестабильности способно лишь усилить тормозящее влияние на экономический рост. В связи с этим стоит обратить внимание на высказываемые предложения в ходе дискуссий о важности их сочетания с регулирующими и стимулирующими мерами.

Во всяком случае, стратегия вывода российской экономики в фазу устойчивого роста не должна основываться на ожиданиях, пока развитой сегмент мировой экономики окончательно преодолит трудности и начнется подъем. Это не только потеря времени, но и невысокая вероятность адекватной реакции нашей экономики в сложившихся условиях. Установившийся высокий уровень цен на энергоресурсы уже не гарантирует приемлемого роста. Для взбадривания современной российской экономики требуются за пределами высокие цены, но их взлет, скорее всего, маловероятен. Поэтому переключение на внутренний спрос, поддерживаемый преимущественно не импортом, но прежде всего развитием собственного производства, — это направление перехода к устойчивому и сбалансированному развитию экономики России.

6. Заключение

Подводя итог проведенного анализа, особо подчеркнем, что вопрос о перспективах экономического роста остается открытым. Принципиальный недостаток проводимой стабилизационной политики обусловлен нереализованной потребностью в системной трансформации сложившейся спекулятивно-финансовой хозяйственной системы и отсюда неготовностью к переходу к инновационному росту. Затянув-

---

⁹ Если непосредственный долг органов государственного управления РФ и ЦБР равнялся 76,7 млрд долл., или 11,1% (на 01.04.2013), то с учетом долга банков и небанковских корпораций, в которых доля государства превышает 50%, фактический государственный долг возрастает до 355 млрд долл., что составляет 51% от всего внешнего долга.

шаяся политика сверхдешевых денег, будучи опорным звеном в стремлении преодолеть последствия мирового кризиса, на практике подтверждает свою недостаточную результативность. Конечно, в обществе, в котором господствуют рыночные отношения, все можно купить. Но можно ли купить экономический рост?

Во всяком случае, наличие факторов, тормозящих экономическое развитие, к которым относятся недостаточный совокупный спрос, структурные ограничения и давление долгового финансирования, сохраняет вероятность продолжения тенденции неустойчивого и сдержанного роста в центральной части мировой экономики, что не может не влиять на общее уменьшение динамического потенциала в мировом хозяйстве. Сама же глобальная экономика превращается в «разноскоростную» по своим динамическим параметрам относительно разных групп стран. По существу, речь идет о том, что неустойчивый рост как «новая нормальность» может закрепиться в более длительной перспективе. Не случайно МВФ, выделив три группы стран с разной скоростью развития: низкой (прежде всего, ЕС и Япония), средней (например, США, Швеция, Швейцария) и высокой (Китай и страны с быстроразвивающимися рынками), нацеливает политиков на более амбициозные программы, устраняющие возникшие глобальные перекосы [29].

В такой ситуации важна не сама по себе констатация вероятности закрепления модели разноскоростной глобальной экономики. Важно найти средства, которые предотвратили бы наступление «новой нормальности» в неизбежный и долгоиграющий сценарий. Но такому поиску препятствует «отсутствие интеллектуальной ясности и политической воли» [38, с. 306]. Приходится учитывать, что выход из нынешнего глобального системного кризиса находится вне проблемного поля современного мейнстрима, поскольку его познавательные и практические возможности ограничены политикой преодоления стандартного циклического кризиса.

Во-первых, должен быть продолжен поиск вариантов макроэкономической политики стабилизации, выводящих экономику из состояния неустойчивого и несбалансированного роста. Представление о том, что экономическая стабильность равнозначна ценовой стабильности, должно быть скорректировано, так же как следует отказаться от основного метода ее достижения, делая ставку на сугубо денежно-кредитные методы и ограничиваясь политикой таргетирования инфляции. Для повышения результативности стабилизационной политики она должна включать значительно большее количество целевых ориентиров, более активно используя стимулирующие меры.

Во-вторых, системная природа произошедшего кризисного потрясения обуславливает необходимость коренной реформы сложившейся спекулятивно-финансовой модели. Только улучшением и корректировкой макрополитики стабилизации ключевые проблемы экономического роста не решить. Поэтому преодоление неустойчивости роста предполагает глубокое экономическое реформирование в сочетании с технологическим прорывом в сфере производства, поддержанным экологическими приоритетами. Причем мировое сообщество уже подошло к ситуации, когда необходимо не просто восстановление экономического роста любой ценой, а такого, который базируется на новом эколого-технологическом подходе.

В-третьих, для России тем более важно не ограничиваться курсом на финансовую стабилизацию и снижение инфляции. Недостатки экспортно-сырьевой модели в еще большей степени в сравнении с развитыми капиталистическими странами

требуют ее радикальной перестройки. Реформирование хозяйственной системы в соединении с активной промышленной политикой и разворотом в сторону новой индустриализации — таков путь к обеспечению динамичного и устойчивого экономического роста.

Литература

1. Мэнкью Н. Г. Макроэкономист как ученый и инженер // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 86–103.
2. Minsky H. Stabilizing An Unstable Economy. New York: McGraw-Hill, 2008. 395 p.
3. Несветайлова А. Экономическое наследие Хаймана Мински // Вопросы экономики. 2005. № 3. С. 99–117.
4. Розмаинский И. В. Посткейнсианская макроэкономика: основные аспекты // Вопросы экономики. 2006. № 5. С. 19–31.
5. Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? URL: <http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine> (дата обращения: 15.05.2013).
6. Кэй Дж. Карта — не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 4–13.
7. Вудфорд М. Что не так с экономическими моделями? (Ответ Джону Кэю) // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 14–21.
8. Blanchard O., Dell'Ariccia G., Mauro P. Rethinking Macroeconomic Policy // Journal of Money, Credit, and Banking. 2010. Vol. 42. (Supplement). P. 199–215.
9. URL: www.imf.org/external/russian/np/blog/2013/042913r.pdf (дата обращения: 16.08.2013).
10. Blanchard O., Dell'Ariccia G., Mauro P. Rethinking Macro Policy II: Getting Granular. IMF, 2013. 26 p.
11. URL: <http://www.blog-imfdirect.imf.org/2013/05/03/the-lessons-of-the-north-atlantic-crisis-for-economic-theory-and-policy/> (дата обращения: 10.07.2013).
12. URL: <http://www.2020strategy.ru/documents/32710234.html> (дата обращения: 07.08.2013).
13. Дзарасов С. С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012. 304 с.
14. Столбов М. Гипотеза финансовой нестабильности Хаймана Мински и экономический кризис в России // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3. С. 56–64.
15. Доклад Комиссии по оценке экономических и социальных результатов и социального прогресса // Вопросы статистики. 2010. № 11. С. 12–21.
16. El-Erian M. Navigation the New Normal in Industrial Countries // Per Jacobsson Foundation Lecture. 2010. URL: www.imf.org (дата обращения: 17.09.2012).
17. El-Erian M. A New Normal // Secular Outlook. PIMCO, 2009. URL: <http://www.pimco.com/EN/Insights/Pages/Secular%20Outlook%20May%202009%20El-Erian.aspx> (дата обращения: 10.04.2013).
18. URL: www.conference-board.org/data/economydata (дата обращения: 07.06.2013).
19. URL: <http://www.nber.org/cycles/cyclesmain.html> (дата обращения: 07.06.2013).
20. Рейнхарт К. М., Рогофф К. С. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. М., 2011. 528 с.
21. Бляхман Л. С. Глобальный кризис и смена парадигмы экономического развития // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2013. Вып. 2. С. 3–21.
22. Губанов С. С. Воспроизводство рабочих мест и «новая норма» ФРС: аналитический аспект // Экономист. 2013. № 7. С. 19–65.
23. Cochrane J. H. How did Paul Krugman get it so Wrong? URL: <http://modeledbehavior.com/2009/09/11/john-cochrane-responds-to-paul-krugman-full-text/> (дата обращения: 15.03.2012).
24. Рязанов В. Т. Политическая экономия: из прошлого в будущее // Проблемы современной экономики. 2012. № 2. С. 47–55.
25. Рязанов В. Т. Наднациональные и национальные регуляторы в условиях глобальной экономической нестабильности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2012. Вып. 2. С. 13–32.
26. Погосов И. А. Тенденции воспроизводства в России и проблемы модернизации экономики. М.; СПб., 2012. 312 с.
27. Рязанов В. Т. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8. С. 3–32.
28. Europe 2020. A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive growth. URL: http://www.ec.europa.eu/europe2020/europe-2020-in-a-nutshell/flagship-initiatives/index_en.htm (дата обращения: 16.08.2013).

29. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/survey/so/2013/NEW041813A.htm> (дата обращения: 16.08.2013).
30. www.gks.ru (дата обращения: 16.08.2013).
31. URL: <http://www.epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home/> (дата обращения: 16.08.2013).
32. URL: <http://www.worldbank.org/eca/>(дата обращения: 16.08.2013).
33. URL: <http://www.search.worldbank.org/> (дата обращения: 16.08.2013).
34. World factbook. URL: www.cia.gov (дата обращения: 16.08.2013).
35. Российский статистический ежегодник-2004. М., 2004. 772 с.
36. Российский статистический ежегодник-2012. М., 2012. 786 с.
37. Национальные счета России в 2002–2012 гг. URL: <http://www.gus.ru/wps/wcm/connect/russtatmain/rosstat/ru> (дата обращения: 16.08.2013).
38. *Кругман П.* Выход из кризиса есть! М., 2013. 318 с.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2013 г.